

PROFILING

КТО СРАЖАЕТСЯ С ЧУДОВИЩАМИ

КАК Я 20 ЛЕТ ВЫСЛЕЖИВАЛ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ ДЛЯ ФБР

* РОБЕРТ К. РЕССЛЕР

ТОМ ШАХТМАН

* Агент ФБР, автор термина «СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА», консультант Томаса Харриса по сценарию фильма «МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ», прототип Билла Тенча в триллере «ОХОТНИКИ ЗА РАЗУМОМ».

18+

БОМБОРА

Profiling. Искусство вычислять преступников

Роберт Ресслер

**Кто сражается с чудовищами.
Как я двадцать лет выслеживал
серийных убийц для ФБР**

«ЭКСМО»

1992

УДК 343.9
ББК 67.51

Ресслер Р. К.

Кто сражается с чудовищами. Как я двадцать лет отслеживал серийных убийц для ФБР / Р. К. Ресслер — «Эксмо», 1992 — (Profiling. Искусство вычислять преступников)

ISBN 978-5-04-178110-1

Столкнувшись лицом к лицу с самыми страшными убийцами Америки, агент ФБР Роберт К. Ресслер научился распознавать неизвестных монстров, которые ходят среди нас, и сажать их в тюрьму. Он использовал улики на месте преступления и составлял психологические портреты убийц — от жертв, которых они выбирают, до способа убийства и часто весьма гротескных сувениров, которые они забирают у жертв. Ресслер провел десятки интервью за тюремными стенами и изучил странные истории из первых уст от бесчисленных осужденных убийц, включая Теда Банди, Джона Уэйна Гейси, Эдмунда Кемпера. Присоединяйтесь к Роберту К. Ресслеру, он поведет вас на охоту за самыми опасными психопатами в мире. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 343.9
ББК 67.51

ISBN 978-5-04-178110-1

© Ресслер Р. К., 1992
© Эксмо, 1992

Содержание

Благодарности	6
1. Убийца-вампир	8
2. Кто сражается с чудовищами	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Роберт К. Ресслер, Том Шахтман

Кто сражается с чудовищами.

Как я двадцать лет отслеживал серийных убийц для ФБР

Посвящается моему близкому другу и шурину, которому за тридцать три года в полиции пришлось сражаться со многими чудовищами на улицах Чикаго.

*Патрульному ФРЭНКУ П. ГРЕЙЗЕРУ
НОМЕР ЖЕТОНА Департамента полиции Чикаго 4614
СРОК СЛУЖБЫ: 13 июля 1953 г. – 11 мая 1986 г.
РОДИЛСЯ: 3 октября 1928 г. Скончался: 24 декабря 1990 г.
РОБЕРТ К. РЕССЛЕР*

«Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя».

Фридрих Ницше. «По ту сторону добра и зла»

Robert K. Ressler and Tom Shachtman WHOEVER FIGHTS MONSTERS

Text Copyright © 1992 by Robert K. Ressler and Tom Shachtman Published by arrangement with St. Martin's Publishing Group. All rights reserved.

© Перфильев О., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Благодарности

Хочу поблагодарить многих людей, оказавших мне неоценимую помощь в написании этой книги. Прежде всего Мэри Хиггинс Кларк, которая первой попросила меня выступить на ежегодной конференции авторов детективов Америки в Нью-Йорке в 1987 году. Именно там я познакомился с исполнительным секретарем организации Присциллой Риджуэй, предложившей вступить к ним, а позже представила меня Рут Кэйвин, старшему редактору издательства «Сент-Мартинс Пресс» – она-то и настояла на том, чтобы я написал «Кто сражается с чудовищами». Мэри, Присцилла и Рут продолжали понукать меня, пока я наконец-то не взялся за книгу, оставив ФБР в августе 1990 года.

В ФБР некоторые люди разделяли мое представление о необходимости создания совершенно новой службы внутри Бюро. Больше всего мне помогли и оказали поддержку Ларри Монро, бывшие заместители директора доктор Кен Джозеф и Джеймс МакКензи, а также Джеймс О'Коннор, бывший заместитель помощника директора Академии ФБР. Все они неоднократно приходили на помощь, когда мне случалось сражаться с «чудовищами» бюрократической структуры.

Первую команду психологического профилирования составляли Говард Тетен и Пэт Муллани, и оба они были моими менторами в Академии ФБР, оба на практике познакомили меня с футуристической концепцией расследования уголовных дел. Особые благодарности моим друзьям и коллегам по Отделу поведенческого анализа ФБР, по Исследовательской группе и по Программе борьбы с насильственными преступлениями (VICAP), с которыми я так тесно работал последние годы, в частности главе отдела Джону Генри Кэмпбеллу, Дику Олту, Элу Брэнтли, Кейти Брайан, Бернадетт Клониджер, Джо Конли, Конни Додд, Терри Грину, Джо Харполду, Рою Хэзелвуду, Джиму Хорну, Дейву Айкову, Кену Лэннингу, Синди Лент, Эллен Мэйнард, Джойс МакКлауд, Уинну Норману, Ролану Ребуссену, Джиму Ризу, Эду Сульцбаху и Арту Уэствиру. Также благодарю полевых агентов Джона Конвея, Джона У. Майндермана, Джона Данна, Дика Ренна, Джима Харрингтона, Нила Пертелла, Чарли Бойла, Байрона Макдональда, Лэроя Корнетта, Ральфа Гарднера, Карла Шефера, Мэри Эллен Бикман, Дона Кайта, Дика Артина, Рича Матерса, Боба Сигальски, Дэна Кентала, Кэндис Делонг, Дона Зембиека, Джо Харди, Хэнка Хэнбергера, Ларри Сильвестра, Пита Уэлша, Тома Денудена, Тома Барретта, Тома Дискина, Джейн Тёрнер, Макса Тила, Мела Дерро, Билла Чика, Чака Льюиса, Джима Макдермотта, Мики Мотта, Стэна Джейкобсона и Билла Хаггерти. Большинство из них до сих пор работают в Бюро, некоторые вышли в отставку, но все, как и многие неназванные, оказали мне огромную помощь в исследовании образа мыслей и преступлений чудовищ.

Я был бы виноват, если бы не выразил признательность Бобу Хеку из Министерства юстиции США, Джону Рэйбану из Национального центра пропавших и эксплуатируемых детей, а также Роджеру Эйделману, адвокату частной практики из Вашингтона, округ Колумбия, с которым мы вместе работали над делом Джона Хинкли, совершившего покушение на президента. Особые благодарности Рэю Пирсу из полицейского департамента Нью-Йорка, Эдди Гранту из полиции штата Нью-Йорк и начальнику уголовного розыска Джозефу Козенчаку из полицейского департамента Чикаго.

Среди тех специалистов по психическому здоровью и представителей академических кругов, кто внес значительный вклад в мою карьеру за последние семнадцать лет, доктор Энн У. Бёрджесс, доктор Аллен Бёрджесс, доктор Джеймс Кавано, доктор Парк Э. Дитц, доктор Ричард Голдберг, доктор Деррик Паундер, доктор Ричард Рэтнер, доктор Роберт Саймон, доктор Роберт Троянович и Ричард Уолтер. Особая благодарность покойным доктору Полу Эмберту и доктору Марвину Хоумзи.

Следует также упомянуть моих коллег по военной полиции и Управлению расследования уголовных преступлений, поскольку моя тридцатипятилетняя военная служба по длительности намного превосходит службу в ФБР. Это генерал-майоры (в отставке) Пол Тиммерберг и Юджин Кромарти, бывшие руководители Командования уголовных расследований генерал-майор Пит Берри, текущий руководитель Командования уголовных расследований бригадный генерал Том Джонс, полковник Харлан Линиус, полковник Томас Макхью, подполковник (в отставке) Джон Ф. Джексон, старший уорент-офицер Рэй Кангас и другие, слишком многочисленные, чтобы их здесь перечислять.

Наконец, хочу выразить особую благодарность своей жене Хелен и моим детям Эллисон, Бетси и Аарону, которые поддерживали меня многие годы, когда я часто отсутствовал дома, занимаясь своими исследованиями и обязанностями в армии США и в ФБР.

1. Убийца-вампи́р

Расс Ворпагель был легендой Бюро – высокий (за метр девяносто) и грузный (118 кг) бывший следователь отдела убийств в Милуоки, с высшим юридическим образованием, эксперт по преступлениям на сексуальной почве и по обезвреживанию взрывных устройств. Занимая пост координатора Отдела поведенческого анализа ФБР, он разъезжал по всему Западному побережью, обучая местных сотрудников полиции расследованию преступлений на сексуальной почве, не без оснований внушая уверенность в своем авторитете. Полицейские и шерифы ценили глубину его познаний.

Благодаря такому авторитету среди местных сотрудников правопорядка поздно вечером в понедельник 23 января 1978 года ему позвонили из небольшого полицейского отделения, расположенного к северу от Сакраменто. Произошло чудовищное убийство, далеко превосходящее обычные по жестокости обращения с жертвой. Дэвид Уоллин, двадцатичетырехлетний водитель грузовика из прачечной, примерно в шесть вечера вернулся после смены домой в пригородный дом, который они снимали с женой, двадцатидвухлетней Терри, находящейся на третьем месяце беременности. В спальне он обнаружил ее со вспоротым животом. Закричав, Уоллин забежал в дом соседа, тот вызвал полицию. Мужчина был настолько потрясен, что даже не мог говорить с полицейскими. Помощник шерифа, первый вошедший в дом, также был шокирован. Позже он признался, что после той ужасной сцены ему несколько месяцев снились кошмары. Полицейские немедленно вызвали Расса, а он позвонил мне в Академию ФБР в Куантико. Я, конечно, с сожалением выслушал известие о чудовищном событии, но вместе с тем весьма заинтересовался его обстоятельствами, потому что мне представилась возможность воспользоваться разработанным мною методом составления психологического профиля преступника, только что совершившего свое преступление. Обычно такие дела доходили до Отдела поведенческого анализа, когда злоумышленника уже и след простыл. А в Сакраменто следы были что ни на есть самые горячие.

На следующий день в газетах сообщили, что на Терри Уоллин напали, вероятно, когда она находилась в гостиной и собиралась вынести мусор. Между входной дверью и спальней обнаружили следы борьбы; были найдены две гильзы. Убитая была облачена в похожую на свитер кофту и штаны; кофта, бюстгальтер и штаны стянуты, живот перерезан. Обследовавшие место преступления полицейские сообщили журналистам, что не могут ничего сказать о мотиве убийства. Кража была тут же исключена, потому что ничего не пропало.

В действительности подробности были еще более ужасны, но, как сказал мне Расс, их не сообщали публике, чтобы не вызвать паники. Многие считают полицейских довольно суровыми и бессердечными людьми, которым нравится тыкать публику носом во всякие грязные дела, чтобы налогоплательщики осознавали, с чем им приходится сталкиваться ежедневно. Но на этот раз некоторые детали было решено держать под замком, чтобы пощадить чувства общественности и не вызывать лишнюю панику.

Были и другие причины скрывать кое-какую информацию: определенные подробности, известные только преступнику, впоследствии могут оказаться ценными при допросе подозреваемого. В итоге публике не сообщили следующее: основной ножевой порез шел от груди до пупка; из него частично торчали внутренние органы, некоторые другие органы были отрезаны и вынуты из брюшной полости. Ножевые ранения были и на левой груди жертвы; по всей видимости, наносили их медленно, задерживая нож. Во рту жертвы были обнаружены экскременты животных. Были свидетельства того, что кровь женщины была слита в баночку из-под йогурта и выпита.

Местные полицейские одновременно и ужасались, и удивлялись; Расс тоже был встревожен, потому что понимал – как сразу же стало очевидно и мне, – что нам нужно действовать

быстро и что существует вероятность того, что убийца Терри Уоллин снова на кого-то нападет. В этом почти не оставлял сомнений высокий уровень насилия совершенного преступления. Такие убийцы обычно не удовлетворяются одной жертвой – за ней может последовать целая цепочка. Мне в следующий понедельник нужно было присутствовать на одной из наших выездных школ Западного побережья, и мы договорились, что в пятницу я приеду (по той же графе расходов) и помогу Рассу разобраться с этим случаем. Тогда мне впервые предстояло составлять профиль непосредственно на месте преступления, и мне не терпелось приступить к этой задаче. Но мы с Рассом были настолько уверены в том, что преступник вскоре снова заявит о себе, что постоянно обменивались сообщениями, так что я составил предварительный профиль предполагаемого убийцы.

Криминальное профилирование – подробное описание неизвестного преступника исходя из малейших деталей места преступления, жертвы и других факторов – тогда еще было относительно молодой наукой (или искусством).

Вот мои оригинальные (и не всегда грамматически корректные) наброски того времени. Так я тогда описывал вероятного виновника, совершившего это ужасное убийство:

Белый мужчина 25–27 лет, худой, истощенной наружности. Жилье должно быть очень неряшливым и запущенным, там могут быть обнаружены улики. Возможны психические заболевания и употребление наркотиков. Одиночка, который не общается ни с мужчинами, ни с женщинами и, вероятнее всего, проводит большую часть времени в доме, где живет один. Безработный. Возможно, получает пособие по нетрудоспособности. Если и проживает с кем-то, то с родителями, однако это маловероятно. В армии не служил, из школы или колледжа был отчислен. Может быть, страдает от одной или нескольких разновидностей параноидного психоза.

У меня было много причин составить именно такое конкретное описание предполагаемого преступника. Хотя профилирование тогда еще только зарождалось, мы исследовали достаточное количество убийств и знали, что убийство на сексуальной почве – а именно под эту категорию попадало это убийство, пусть и не было прямых улик о сексуальном насилии, – обычно совершают мужчины, представители одной расы с потерпевшими – белые против белых и чернокожие против чернокожих. Очень большое количество убийц на сексуальной почве были белыми мужчинами в возрасте от двадцати до сорока лет; этот простой факт позволил нам с самого начала отсеять целые сегменты популяции. Поскольку это был район проживания белых, я еще больше уверился в том, что убийцей окажется белый мужчина.

Затем я ограничил подозреваемых с помощью приема, который мы уже тогда начинали формулировать в Отделе поведенческого анализа, – отсекация убийц, которые демонстрировали определенную логику в содеянном, от тех, умственные процессы которых не были логичны, согласно стандартам, то есть противопоставления «организованных» и «неорганизованных» преступников. Фотографии с места преступления и полицейские отчеты ясно давали понять, что это преступление не было совершено «организованным» убийцей, который методично преследовал жертв и старался не оставлять никаких следов, указавших бы на его личность. Нет, все улики с самого начала говорили, что мы имеем дело с «неорганизованным» убийцей, имевшим серьезные психологические проблемы. Безумцем, способным так расправиться Терри Уоллин, становятся не за одну ночь. Как правило, до той стадии, когда человек способен на такое бессмысленное убийство, психоз развивается от восьми до десяти лет. Обычно параноидная шизофрения проявляется в подростковом возрасте. Добавим десять лет примерно к пятнадцати годам и получим возрастную группу приблизительно двадцати пяти лет. Я не считал, что он намного старше, по двум причинам. Во-первых, большинству убийц

на сексуальной почве было меньше тридцати пяти лет. Во-вторых, будь он старше тридцати, болезнь была бы уже настолько сильной, что он уже мог совершить несколько странных и нерасследованных убийств. Но в этом районе ничего такого не происходило, отсутствовали сведения о схожих случаях, следовательно, для мужчины это было первое убийство. Другие подробности описания предполагаемого преступника логически истекали из моей догадки о параноидной шизофрении и из моих познаний в психологии.

Так, например, я предположил, что преступник должен быть худым. Такое предположение сделано на основе работ доктора Эрнста Кретчмера из Германии и доктора Уильяма Шелдона из Колумбийского университета, которые исследовали типы телосложения. Оба считали, что существует высокая степень взаимосвязи между телосложением и темпераментом. Кретчмер обнаружил, что мужчины с худощавым (астеническим) телосложением тяготеют к интровертным формам шизофрении. Шелдон писал примерно о том же, и я подумал, что, согласно его классификации, убийца будет «экторморфом»¹. Эти идеи не в почете у современных психологов – им уже более пятидесяти лет, – но, на мой взгляд, они часто оказываются верными или по крайней мере полезными для определения типа телосложения серийного убийцы-психопата.

Поэтому я подумал, что это будет худой и «костлявый» парень. Все было логично. Шизофреники-интроверты плохо питаются, недоедают, забывают о еде. Они также не следят за своей внешностью, совершенно не заботятся о чистоте и аккуратности. Никто не захочет жить с таким человеком, так что он будет одинок. Такая логика позволила мне сделать предположение о том, что в его жилище царит беспорядок, а также о том, что он не служил в армии, потому что вряд ли военные приняли бы в свои ряды такого неорганизованного рекрута. Не мог он и надолго задержаться в колледже, хотя, возможно, успел окончить старшую школу до ухудшения состояния. Его проблемы как интроверта начались еще в довольно раннем возрасте. Если он где-то и работает, то это неквалифицированная работа – например, уборщик или человек, который собирает бумажки в парке; он слишком глубокий интроверт даже для работы курьером. Скорее всего он живет отшельником на каком-то пособии.

Я не включил это в профиль, но предположил, что если у него есть машина, то она тоже в ужасном состоянии, примерно в таком же, как и жилище: с мусором на сиденьях и прожарившаяся. Вероятнее всего, проживает недалеко от жертвы, ведь он слишком рассеянный, чтобы куда-то поехать, совершить ужасное преступление и вернуться обратно домой. Похоже, он дошел до места преступления и покинул его пешком. Я допускал мысль, что его недавно – не более года назад – могли выпустить из какого-то психиатрического заведения, после чего уровень насилия в его поведении постепенно увеличился.

Расс разослал этот профиль в несколько отделений полиции района, и они начали патрулировать улицы в поисках подозреваемого. Несколько десятков полицейских звонили в двери, разговаривали с людьми по телефону и т. д. Этот случай привлек большое внимание средств массовой информации, журналисты задавали два основных вопроса: «Кто убил эту молодую женщину?» и, что самое загадочное: «Почему?»

В течение двух суток продолжали поступать новые подробности. Сакраменто – столица Калифорнии; Терри Уоллин работала государственным служащим, и в понедельник у нее был выходной. Утром, судя по чеку, она сделала покупки в местном торговом центре недалеко от дома, в связи с чем выдвинули предположение о том, что убийца мог заметить ее там и проследовать до дома. Днем, примерно в полвторого, Терри позвонила ее мать, но никто не ответил, а медицинский эксперт сообщил, что убийство произошло до этого времени. Он же предположил, что некоторые ножевые ранения были нанесены Терри до смерти, но публике

¹ *Экторморф* – человек, характеризующийся относительно короткой верхней частью тела, длинными конечностями, узкими ступнями и кистями, небольшим корпусом и сравнительно узкими плечами.

об этом не сообщили. В средствах массовой информации рассказали об одежде убийцы, на которой должны были остаться пятна крови, и попросили тех, кто видел мужчину с пятнами крови, позвонить в полицию.

В четверг северную часть Сакраменто потрясла новость об еще более зловещем убийстве. Примерно в 12:30 мужчина из пригородного жилого района в миле от дома Уоллинов обнаружил в соседнем доме тела трех убитых: Ивлин Майрот тридцати шести лет, ее шестилетнего сына Джейсона и Дэниела Дж. Мередита, друга семьи пятидесяти двух лет. Кроме того, пропал двадцатидвухмесячный племянник Майрот, Майкл Феррейра – вероятно, убийца его похитил. Все жертвы были убиты из огнестрельного оружия, а тело Ивлин Майрот рассечено примерно так же, как и тело миссис Уоллин. Убийца, по всей видимости, скрылся в красном универсале Мередита, который нашли брошенным неподалеку. И опять же не было никаких очевидных мотивов убийства. Дом, по сообщению полиции, не ограбили. Ивлин Майрот была разведенной матерью троих детей; один ребенок жил с отцом, а другой во время убийства находился в школе.

В газетах напечатали слова шерифа Дуэйна Лоу: «Это самые странные, нелепые и бессмысленные убийства из тех, с которыми мне приходилось сталкиваться за двадцать восемь лет». Он добавил, что эти преступления «весьма обеспокоили» его. Ивлин Майрот часто присматривала за детьми соседей, выполняя роль няньки: в этом районе ее хорошо знали многие матери и дети; другие дети знали ее шестилетнего сына, с которым вместе ходили в школу. Одна соседка в беседе с журналистом расплакалась: «Я тоже боюсь. Это ужасно близко». Жители внимательно смотрели местные новости по телевизору, потом выходили из домов и обсуждали подробности происшедшего. Вечер выдался туманным, а фары и проблесковые маячки патрульных машин и «Скорой помощи» делали сцену еще более жуткой. Хотя и сообщалось, что жертв пристрелили, никто не слышал никаких выстрелов.

Люди были напуганы. Хотя полицейские и старались не допустить массовой истерии, ограничивая информацию об убийствах, какие-то сведения все же просочились. Двери запирались на двойные замки, шторы плотно задергивались; некоторые жители даже грузили вещи в машины и фургоны и уезжали из города.

Расс позвонил мне сразу, как только услышал о происшествии. Нас оно, конечно, тоже взволновало, но нам, как профессионалам, пришлось позабыть о страхе и немедленно приступить к решению очередной загадки. С точки зрения криминального анализа вторая серия убийств предоставила новую информацию и подтвердила кое-какие наши выводы об убийце. На новой сцене преступления – подробности о котором опять-таки разглашены были публичке не сразу – мужчину и мальчика застрелили, но над их трупами не надругались. У Мередита преступник только забрал бумажник с ключами. Но по сравнению с ним тело Ивлин Майрот было изуродовано даже сильнее тела первой жертвы. Она лежала обнаженная на краю кровати с простреленной головой; живот был рассечен крест-накрест, и из него частично торчали кишки. Некоторые внутренние органы были отрезаны, все тело покрывали порезы, в том числе лицо и анальную область. Ректальный мазок показал значительное содержание спермы. В манеже, где обычно сидели дети, за которыми присматривала Ивлин, обнаружены окровавленная подушка и использованная пуля. В ванне была налита вода красного цвета и лежали остатки мозга вперемешку с фекалиями. По всей видимости, преступник и здесь пил кровь жертвы. Угнанный автомобиль нашли неподалеку, с открытой дверью и с ключами в замке зажигания. Младенца не нашли, но, исходя из количества крови в манеже, полиция была уверена, что он не выжил.

В соответствии с новыми подробностями я, подталкиваемый чувством, что преступника нужно найти как можно быстрее, пока он не совершил очередных убийств, откорректировал составленный до этого профиль. Сексуальная подоплека преступлений проявилась отчетливее. Количество жертв выросло. Увеличилась и степень жестокости. Я был более чем уверен, что преступник – молодой человек с серьезным психическим заболеванием, пришел на место

преступления пешком, а после, покинув автомобиль, также ушел пешком. Я перечислил свои догадки в уточненном профиле, добавив, что преступник, скорее всего, «живет один в месте, расположенном в радиусе полумили от покинутого автомобиля». На мой взгляд этот человек был настолько неустойчивым, что даже не пытался скрываться и бросил машину рядом с домом. Можно еще больше увериться в его неаккуратности и в неопрятном внешнем виде, и в том, что в его доме должен царить бардак.

Я сказал Рассу, что до убийств этот человек, вероятно, совершил несколько фетиш-краж, и если его ловили, то мы сможем проследить его преступления и трудности до самого детства. Мы называем «фетиш-кражами» проникновение в жилище ради похищения или использования женского белья, а не драгоценностей и других вещей, имеющих рыночную ценность; часто взломщик похищает эти предметы в аутоэротических² целях.

С новым профилем в руках на улицы вышли более шестидесяти полицейских, сосредоточившись в радиусе полумили от брошенного автомобиля. Это была потрясающая облава. Полицейские спрашивали людей в домах, квартирах и на улицах, не видели ли они молодого человека неопрятной внешности. Когда поступили сведения о том, что в загородном клубе неподалеку была застрелена и выпотрошена собака, полиция сузила площадь поисков.

Два свидетеля сообщили, что видели, как едет красный универсал, но даже под гипнозом смогли вспомнить только то, что за рулем сидел белый мужчина. Самую многообещающую наводку дала женщина лет двадцати пяти, которая за час или два до нападения на Терри Уоллин повстречала в торговом центре мужчину, учившегося с ней в старшей школе. Ее потряс вид бывшего знакомого – со взъерошенными волосами, худой как труп, с пятнами крови на рубашке, желтоватой корочкой на губах, со впавшими глазами, – и когда он попытался заговорить с ней, взявшись за ручку ее автомобиля, она поспешила уехать. Услышав сообщение полиции о поисках мужчины с пятнами крови на одежде, она связалась с представителями власти и сообщила, что этот мужчина – Ричард Трентон Чейз, окончивший школу в 1968 году.

Это произошло в субботу. Полицейские выяснили, что Ричард Трентон Чейз проживает менее чем в квартале от брошенного автомобиля, в миле к северу от загородного клуба и в миле к востоку от торгового центра. Они установили наблюдение за домом и стали ждать. На этой стадии Чейз считался лишь одним из полудюжины подозреваемых. Он не отвечал на телефонные звонки в квартиру, и ближе к вечеру наблюдатели решили каким-нибудь образом выманить его наружу. Они знали, что у подозреваемого может быть револьвер 22-го калибра и что он не остановится перед убийством, поэтому действовать нужно осторожно. Один направился к управляющему жилым блоком под предлогом воспользоваться телефоном, пока другой открыто отошел от квартиры Чейза. Через мгновение Чейз появился на пороге с коробкой под мышкой и побежал к своему пикапу.

В этот момент полицейские поняли, что нашли нужного человека, и побежали за ним. Он хотел вытащить из наплечной кобуры револьвер, но полицейские опередили его. В их руках он попытался избавиться от того, что лежало в заднем кармане – от бумажника Дэниела Мередита. Коробка оказалась забитой окровавленными тряпками. Старый и облезлый пикап был завален давними газетами, банками из-под пива, пакетами из-под молока и тряпками. Там же обнаружили запертый ящик для инструментов, двенадцатидюймовый (30,5 см) нож мясника и резиновые сапоги с пятнами крови. В его квартире, в которой, как и ожидалось, царил полный беспорядок, обнаружили ошейники для животных, три блендера с кровью и газетные вырезки о первом убийстве. По всему дому были разбросаны грязная одежда, вещи с пятнами крови. В холодильнике стояли тарелки с частями тела и контейнер с человеческим мозгом. В кухонном шкафу лежало несколько ножей, которые, как выяснилось впоследствии, преступник забрал из

² Аутоэротизм – сексуальное поведение человека, направленное на раздражение эrogenных зон собственного тела, направленность его сексуальных влечений на самого себя.

дома Уоллин. На стене висел календарь с надписью «Сегодня» напротив дат убийств Уоллин и Майрот и Мередита в конце января; та же надпись была выведена напротив еще сорока четырех дней 1978 года. Означало ли это, что он собирался совершить еще сорок четыре убийства? К счастью, мы этого уже не узнаем.

Полицейские испытали огромное облегчение от того, что убийца пойман, ибо сомнений в его виновности не было никаких – он соответствовал описанию, и улики говорили о том же. Все были благодарны ФБР за составленный профиль, и некоторые позже утверждали, что именно он «поймал убийцу». Что, конечно же, неверно. Убийц ловит не профиль, а выполняющие свой долг полицейские, часто при помощи обычных граждан и небольшой доли удачи. Мой профиль был лишь инструментом расследования, который в данном случае помог сузить поиски опасного убийцы. Помогла ли моя работа поймать Чейза? Определенно, и я горжусь этим. Поймал ли я его лично? Нет.

Лично мне тот факт, что Чейз настолько совпал с профилем, который я составил вместе с Рассом Ворпагелем, был приятен по двум причинам. Во-первых, потому что он помог определить жестокого преступника, который, несомненно, продолжил бы совершать убийства, если бы его не задержали. Во-вторых, это предоставило Отделу поведенческого анализа дополнительную информацию, как в будущем оценивать улики, оставленные другими убийцами на месте преступления; говоря вкратце, это помогло нам отточить искусство профилирования (и я действительно имею в виду *искусство*, потому что оно еще не достигло статуса науки).

В последующие дни и месяцы после задержания Чейза я старался ознакомиться со всей информацией, которая пролила бы больше света на поведение этого странного молодого человека. Почти сразу же после ареста его удалось связать с нераскрытым убийством, произошедшим в декабре неподалеку от мест других убийств. Оказалось, что я ошибся, назвав Терри Уоллин первой жертвой: на самом деле она была второй. 28 декабря 1977 года некий Эмброуз Гриффин и его жена возвращались домой из супермаркета и переносили покупки в дом из автомобиля, когда мимо них проехал Чейз на своем пикапе и сделал два выстрела; одна пуля попала в грудь Гриффина с летальным исходом. Баллистическое исследование пистолета 22-го калибра, изъятого у Чейза, показало, что именно из него была выпущена пуля, убившая Гриффина.

Чейз также подходил под описание неизвестного преступника, ранее совершавшего фетиш-кражи в этом районе, и его же заподозрили в многочисленных похищениях собак и кошек. Несколько ошейников и поводков, обнаруженных в его квартире, принадлежали пропавшим собакам и щенкам. Скорее всего, он убил их в своих безумных целях, возможно, даже выпил их кровь, хотя нельзя утверждать это с уверенностью.

Компьютерный поиск позволил обнаружить данные об инциденте в середине 1977 года, случившемся у озера Тахо, когда индийский агент задержал мужчину в пропитанной кровью одежде с оружием и ведром крови в автомобиле – это был Чейз. В тот раз ему удалось отделаться, потому что кровь была животного происхождения. Он оплатил штраф и рассказал, что охотился на кроликов, которые испачкали ему рубашку.

По мере того как журналисты и представители суда опрашивали людей, знавших Чейза, и добывали дополнительные сведения о нем, постепенно открывалась вся печальная история его жизни. Чейз родился в 1950 году в семье скромного достатка. В раннем детстве он был довольно прилежным и общительным ребенком. В возрасте восьми лет страдал от энуреза³, который, впрочем, скоро прекратился. Настоящие проблемы, похоже, начались у него лет в двенадцать, когда родители начали ссориться и драться между собой. Мать обвиняла отца в

³ *Энурез* – распространенное в детском возрасте заболевание, характеризующееся неспособностью ребенка контролировать акт мочеиспускания.

изменах, в том, что он хочет ее отравить, и в использовании наркотиков. В интервью отец Чейза предположил, что ребенок, должно быть, слышал и другие громкие обвинения.

Позже группа специалистов, опрашивавших родных Чейза, классифицировала миссис Чейз как классическую мать шизофреника: «В высшей степени агрессивная... враждебно настроенная... провоцирующая».

Ссоры между отцом и матерью длились почти десять лет, после чего пара развелась и отец женился повторно.

Умственное развитие Чейза было вполне нормальным (с коэффициентом интеллекта (IQ) 95), и в середине 1960-х годов он считался обычным учеником старших классов. У него были подружки, но отношения с ними прекращались из-за его неспособности поддерживать эрекцию. Близких друзей не было, как не было и тех, с кем бы он поддерживал тесные отношения помимо членов семьи. Исследовавшие Чейза позже психиатры и психологи предположили, что его психическое состояние начало ухудшаться на втором году обучения в старшей школе, когда он начал демонстрировать «бунтарское и дерзкое поведение, ни к чему не стремился, не убирался в своей комнате. Он курил марихуану и сильно злоупотреблял алкоголем». Одна из его бывших подружек рассказала, что он начал общаться с «кислотниками». В 1965 году его задержали за хранение марихуаны и приговорили к общественным работам.

Когда эти сведения просочились в прессу, журналисты и представители общественности нашли в них подтверждение, что на поведение Чейза повлияли наркотики. Я с этим не согласился. Да, наркотики могли серьезно повлиять на психическое состояние Чейза, но они не были причиной убийств – как мы впоследствии обнаружили, наркотики редко служат решающим фактором в серийных убийствах; настоящие причины лежат глубже, и они гораздо сложнее.

Несмотря на ухудшение состояния, в 1969 году Чейзу удалось закончить старшую школу и на несколько месяцев устроиться на работу – тогда он единственный раз проработал более одного-двух дней. Он посещал младший колледж⁴, но, как вспоминали его знакомые, ему не удалось там справиться с социальным давлением. В 1972 году его арестовали в Юте за вождение в нетрезвом виде. Похоже, этот эпизод серьезно повлиял на него, потому что, как он сам вспоминал, он после этого бросил пить. Но его жизнь уже шла по наклонной. В 1973 году его арестовали за владение оружием без лицензии и за сопротивление при задержании. Он был на молодежной вечеринке в полном разгаре и схватил одну из девушек за грудь; его вытолкали, а когда он вернулся, мужчины набросились на него и удерживали до прибытия полиции. При этом с его пояса выпал пистолет 22-го калибра. Проступок сочли административным нарушением и выставили штраф в пятьдесят долларов. Ни на одной работе он долго не задерживался, ночевал по очереди в домах отца и матери, которые поддерживали его материально.

В 1976 году он попытался ввести себе внутривенно кроличью кровь, и его направили в психиатрическую клинику. Суд назначил ему попечителей, освободив тем самым от ответственности родителей; уже тогда заботиться о нем было делом непростым, невозможным для обычного человека. Институт попечительства – это также государственный способ навесить на человека ярлык психически нездорового; оплата его содержания разорила бы любого, кроме самых богатых. По признанию медсестер клиники, Чейз был «пугающим» пациентом. Он отрывал головы пойманным птицам, и несколько раз на его лице и одежде находили кровь. В дневнике он описывал убийства небольших животных и вкус крови. Две помощницы медсестер уволились из клиники, потому что не хотели видеть его среди пациентов. Персонал прозвал его «Дракулой».

Все эти странные поступки имели свой смысл, по крайней мере в голове у самого Чейза. Он был уверен в том, что его хотят отравить, а его кровь превращается в порошок, поэтому

⁴ В США младший колледж – это двухгодичная средняя школа, основной целью которой является предоставление академического и профессионального образования.

ему нужно пить чужую, чтобы восстановить собственную. Однажды врачи поручили одному медбрату поместить на ночь Чейза в палату с другим пациентом, и медбрат отказался, испугавшись, что в случае чего – а вероятность печального исхода, по его словам, была высока, – он потеряет свою лицензию. Лекарства, похоже, помогали держать Чейза на стабильном уровне, и психиатры решили отпустить его под наблюдение, чтобы освободить место для более серьезных пациентов. Позже медбрат вспоминал: «Когда мы узнали, что его освобождают, подняли шум, но ни к чему хорошему это не привело». Позже специалист из другого медицинского заведения на вопрос о том, почему Чейза выпустили, предположил, что доктора решили, что «медицинские препараты его контролировали». (Родственники жертв Чейза впоследствии подали иск против врачей, которые выпустили Чейза из клиники, потребовав значительную компенсацию за причиненный ущерб.)

Чейза выпустили в 1977 году, в основном под контроль матери, которая оплатила ему квартиру – ту самую, в которой его потом задержали. Иногда он ночевал у матери, но по большей части жил один. Ему назначили пособие по инвалидности, поэтому он хвастался, что ему не приходится работать. Некоторые счета по квартире оплачивал отец, который также пытался проводить время со своим сыном: ездил с ним на прогулки по выходным и покупал подарки. Старые знакомые Чейза, сталкивавшиеся с ним в этот период, утверждали, что он жил исключительно прошлым и говорил о событиях, случившихся в старших классах, как если бы они происходили сейчас, и ничего не рассказывал о прошедших восьми-десяти годах. Он также рассуждал о летающих тарелках, НЛО и преступном синдикате нацистов, которые якобы действовали в школе и за которыми он охотится. Когда мать отругала его за беспорядок в квартире, он перестал пускать ее. Когда отец приехал забрать его после инцидента у озера Тахо, Чейз сказал, что это всего лишь недопонимание со стороны местного сотрудника полиции по поводу происшествия на охоте.

Инцидент у озера Тахо произошел в августе 1977 года. Действия Чейза с того момента и до первого обнаруженного убийства демонстрируют настолько четкую картину ухудшения психического состояния и усиления криминального поведения, что нужно описать их более подробно. В сентябре, поссорившись с матерью, Чейз убил ее кота. Дважды в октябре он покупал собак в Обществе против жестокого обращения с животными долларов за пятнадцать каждую. 20 октября украл бензин на два доллара для своего пикапа; когда его задержал полицейский и допросил, Чейз уверенно отверг все обвинения, и ему разрешили уехать. В середине ноября он ответил на объявление в местной газете о продаже щенков лабрадора, явился домой к хозяину, успешно поторговался и вернулся домой с двумя щенками по цене одного. Позже, в ноябре, позвонил давшим объявление в газете владельцам пропавшей собаки, которую он нашел на улице, и поиздевался над ними. Полиция получала сообщения и о других пропажах животных в этом районе.

7 декабря Чейз зашел в оружейный магазин и купил револьвер 22-го калибра. Ему пришлось заполнить формуляр, в котором был вопрос, не был ли он пациентом в психиатрической клинике, и он поклялся, что не был. Согласно правилам, после заявки следует период ожидания, и получить оружие он мог только 18 декабря. За это время он перерегистрировал свой пикап и выполнил ряд действий, требующих здравого рассудка. При этом он сохранял газетные статьи о душителе из Лос-Анджелеса и обводил объявления о бесплатных собаках. Отец отвез его в магазин для выбора подарка на Рождество, и Чейз выбрал оранжевую парку, которую неизменно носил с тех пор.

Получив 18 декабря оружие, он купил несколько коробок патронов и начал стрелять. Сначала он выстрелил в глухую стену дома семьи Фарс. День или около того спустя он один раз выстрелил в окно кухни дома семейства Поленске: пуля задела волосы миссис Поленске, которая стояла, согнувшись, над кухонной раковиной. Вскоре после этого Чейз дважды выстрелил в Эмброуза Гриффина, и одна из пуль стала смертельной для мужчины. Дом Гриффинов распо-

лагался через дорогу от дома Фарсов. Выстрелы в миссис Поленске и в Гриффина вряд ли были случайными; произведенный позже анализ показал, что из движущегося автомобиля нужно было очень тщательно целиться, чтобы не задеть многочисленные деревья, произрастающие в этом квартале, и попасть Гриффину прямо в грудь. Миссис Поленске необычайно повезло, что она осталась в живых.

5 января 1978 года Чейз купил газету *Sacramento Bee* с передовицей об убийстве Гриффина; он сохранил эту страницу с общественным порицанием бессмысленного убийства. 10 января купил еще три коробки с патронами. 16 января он устроил пожар в гараже по соседству, в котором слушали раздражавшую его громкую музыку.

Полиции удалось подробно установить ход событий 23 января, в день убийства Терри Уоллин. Утром Чейз попытался проникнуть в дом по соседству, но выбежал, столкнувшись с женщиной на кухне. Затем он некоторое время неподвижно сидел во дворе. Женщина вызвала полицию, но он ушел до ее появления. Немного позже его застал в своем доме мужчина, проживавший в этом районе. Чейз выбежал, и мужчина погнался за ним по улице, но потерял из виду и вернулся, чтобы проверить, не пропало ли что-нибудь. Чейз забрал несколько ценных вещей, испражнился на кровать ребенка и помочился на одежду в ящике шкафа; два последних действия – это признаки классической фетиш-кражи. Час спустя Чейз находился на парковке торгового центра, где встретился с женщиной, которую знал в старшей школе и которая отнеслась к нему подозрительно.

На нем была испачканная в крови рубашка, губы покрыты желтой коркой, и в целом он сильно отличался от того парня, которого она помнила. Она признала его, только когда он спросил, была ли она на мотоцикле, когда разбился ее бывший парень, знакомый Чейза. Она ответила, что нет, и спросила, кто он такой. Чейз назвал ее по имени. Она решила отделаться от него и сказала, что ей нужно в банк. Он проследовал за ней и попытался сесть на пассажирское сиденье; она захлопнула дверь и уехала. Через несколько минут он прошел через ворота дома рядом с торговым центром, и когда его окликнул владелец дома, сказал, что просто срезает путь. После этого он проник в соседний дом Терри Уоллин.

В середине 1978 года неподалеку от последнего жилища Чейза был найден труп пропавшего ребенка. В тюрьме он по большей части молчал. Суд перенесли из Сакраменто в Пало-Альто, были и другие задержки. В следующем году одному психиатру удалось заручиться доверием Чейза настолько, что тот разговорился с ним. Благодаря этому удалось получить признания в ответ на вопрос, собирался ли Чейз убивать в дальнейшем.

Первого человека я убил как бы случайно. У меня сломалась машина. Я хотел уехать, но трансмиссия⁵ не работала. Мне нужно было найти квартиру. Мать не пустила меня к себе на Рождество. Раньше она всегда приглашала меня на Рождество: мы ужинали, разговаривали с ней, с бабушкой и сестрой. А в этом году не разрешила мне приходить, я разозлился, выстрелил из машины и кого-то убил. Во второй раз люди получили много денег, и я им завидовал. За мной наблюдали, и я убил эту женщину – забрал у нее кровь. Я пошел к другому дому, зашел, там была целая семья. Я застрелил всю семью. Кто-то увидел меня там. Я заметил эту девушку. Она вызвала полицию, но полицейские не смогли поймать меня. Это была подружка Курта Сильвы – он разбился на мотоцикле, как и пара других моих друзей, – и я подумал, что его убил синдикат, что он работал на мафию, торговал наркотиками. Подружка Курта вспомнила про него, и я попытался получить какие-то сведения. Она

⁵ Трансмиссия – механизмы, соединяющие двигатель с тем, что должно двигаться.

сказала, что вышла замуж за кого-то другого и не хочет говорить со мной. Весь синдикат зарабатывал деньги, заставляя мою мать травить меня. Я знаю, кто они, и, надеюсь, смогу довести дело до суда, если сложить все детали вместе.

Судебное разбирательство шло в начале 1979 года, и 6 мая 1979 года репортер *Sacramento Bee* Айрис Янг следующим образом описывала сидящего в зале суда Чейза: «Обвиняемый – невзрачный, лишенный всякого интереса человек. Хмурый, со всклокоченными каштановыми волосами, со впавшими тусклыми глазами, худой, можно сказать, что от него остались одни кости. Все четыре с половиной месяца Ричард Трентон Чейз, которому через пару недель должно исполниться 29 лет, просидел на стуле, играя лежащими перед ним бумагами или отсутствующим взглядом рассматривая люминесцентные лампы в зале суда».

Судебное разбирательство проходило только потому, что сторона обвинения упорно настаивала на смертной казни, согласно недавно принятому закону штата Калифорния⁶. Защита утверждала, что Чейз психически нездоров и недееспособен, чтобы предстать перед судом, но обвинение заявляло, что Чейз демонстрировал «значительную проницательность» в момент совершения преступлений и, следовательно, должен нести ответственность за свои поступки. Его обвинили в шести убийствах первой степени – Терри Уоллин, трех человек в доме Майрот, младенца и Эмброуза Гриффина. Присяжные совещались лишь пару часов, прежде чем признали его виновным по всем обвинениям. Судья отправил Чейза в отделение для смертников в тюрьме Сан-Квентин, где тот должен был дожидаться казни на электрическом стуле.

Я не согласился с таким вердиктом и с такой формулировкой. Решение было объявлено примерно в то же время, когда и решение по делу бывшего служащего городского совета Дэна Уайта⁷, застрелившего мэра Москоне⁸ и Харви Милка⁹. Уайт утверждал, что его психическое здоровье было нарушено в результате употребления нездорового продукта «Twinkies»¹⁰; его признали частично недееспособным и отправили в психиатрическую клинику вместо вынесения смертного приговора. Ричарда Чейза же, который был определенно психически больным и который должен был провести остаток жизни в психиатрическом заведении, приговорили к казни на электрическом стуле.

В 1979 году, пока Чейз находился в отделении для смертников Сан-Квентина, мы с Джоном Конвеем посетили его. Конвей был представителем ФБР в Калифорнии по связям с тюрьмами – чрезвычайно обаятельным, симпатичным и компанейским человеком, умевшим легко располагать к себе заключенных. Встречу с Чейзом я считаю одним из самых необычных событий в моей жизни. С того мгновения, как мы переступили порог тюрьмы, и до комнаты, в которой мы должны были провести интервью, за нами постоянно хлопали дверями – очень подавляющее и пугающее впечатление. До этого мне пришлось побывать в разных тюрьмах, но эта показалась мне самой мрачной; у меня было такое чувство, будто обратного пути отсюда нет. Впрочем, Конвей пребывал в более невозмутимом настроении.

Мы воспользовались несколькими лифтами, и последний довез нас до отделения смертников. Из камер доносились странные шумы, стоны и другие почти нечеловеческие звуки. Мы

⁶ Фурман против штата Джорджия (1972) – решение Верховного суда США, установившее фактический мораторий (запрет) на смертную казнь на всей территории Соединенных Штатов.

⁷ Дэниел Джеймс Уайт (2.09.1946 – 21.10.1985) – американский политик, член Демократической партии США.

⁸ Джордж Москоне (24.11.1929 – 27.11.1978) – американский политик, член Демократической партии США, мэр Сан-Франциско, застрелен в своем кабинете Д. Уайтом.

⁹ Харви Бернард Милк (22.05.1930 – 27.11.1978) – американский политик и первый открытый гей, избранный на государственный пост в штате Калифорния в качестве члена городского наблюдательного совета Сан-Франциско, был застрелен Д. Уайтом.

¹⁰ Twinkies – американский кекс-закуска, описываемый как «золотой бисквит с кремовым наполнителем».

уселись в комнате, ожидая Чейза, и слышали, как он идет по коридору. На ногах у него были позвякивающие кандалы, и мне на ум тут же пришел образ духа Марли из «Рождественской песни» Диккенса. Помимо кандалов на руках были наручники с пропущенным через них так называемым поясом безопасности. Ему оставалось лишь едва передвигать ногами.

Внешность его стала для меня очередным потрясением. Это был тощий, неопрятного вида молодой человек с длинными темными волосами, но глаза его впечатляли. Я никогда не забуду их. Они походили на глаза акулы из фильма «Челюсти». Никаких зрачков, просто черные пятна. Эти злобные глаза преследовали меня еще долго после интервью. У меня возникло такое ощущение, что он смотрит сквозь меня, не обращая внимания, лишь по случайности упираясь взглядом. Он не демонстрировал никаких признаков агрессивности, просто спокойно сидел. В руках у него был пластиковый стаканчик, о котором он сначала ничего не говорил.

Поскольку его уже осудили и он ожидал казни, мне не пришлось проходить через романтическое вступление, типичное для моего первого интервью с убийцей. Обычно я стараюсь показать опрашиваемому, что мне стоит доверять, что со мной можно разговаривать свободно. Беседа с Чейзом далась нам относительно легко, учитывая его психологическое состояние. Он признался в убийствах, но сказал, что совершал их ради спасения своей жизни. Сообщил о намерении подать апелляцию на том основании, что ему грозила смерть и что он лишал людей жизни для получения столь необходимой ему крови. Угрозу для его жизни представляло отравление через мыльницу.

Когда я сказал, что ничего не знаю про мыльницу, он просветил меня. У каждого же есть мыльница, пояснил он.

Если поднять мыло и его нижняя поверхность сухая, то с вами все в порядке, а если она липкая, то вас отравили.

Я спросил, в чем выражается действие яда, и он ответил, что яд превращает кровь в порошок и этот порошок разъедает тело изнутри, лишая его энергии и сил.

Читателям объяснения Чейза могут показаться смехотворными и нелепыми. Но в тот момент, когда он мне объяснял все это, я должен был реагировать соответствующим образом. Мне нельзя было показывать своего возмущения или изумления, мне нужно было принимать все эти объяснения как данность, как иллюстрацию рассуждения убийцы. Согласно правилам, в таких случаях нельзя комментировать фантазии и своими комментариями разубеждать или убеждать заключенного в своей правоте. Поэтому я не мог сказать: «Так не бывает», потому что это ничем бы не помогло. Не мог и сказать: «О да, я знаю людей, которых тоже отравили через мыло». Я просто выслушал его объяснения и не стал их оспаривать.

Того же принципа я придерживался, когда он начал рассказывать мне о том, что родился в еврейской семье – что, как известно, было неправдой – и что всю его жизнь преследовали нацисты за то, что у него на лбу звезда Давида, которую он поспешил мне продемонстрировать. На это я мог возразить: «Чепуха!» или, напротив, ответить: «Ого, какая красивая, вот бы мне такую». Но ни один из таких ответов не помог бы мне в общении. Я не видел никакой звезды Давида, но подумал, что упоминание о ней может быть ловушкой со стороны Чейза – проверкой, насколько я готов ему подыгрывать. Возможно, он специально обманывал меня, будучи уверенным в том, что звезда у него на руке или на груди, и хотел понять, что мне известно о нем. В данном случае я просто сказал Чейзу, что забыл взять с собой очки, что освещение тут не очень хорошее, поэтому я не вижу родимого пятна, но верю ему. Он сказал, что нацисты связаны с НЛО, которые постоянно висают над Землей, и они телепатически приказывали ему убивать, чтобы восполнить запас крови. В конце своих рассуждений он подвел итог: «Итак, теперь вы ясно понимаете, мистер Ресслер, что эти убийства были ради самообороны».

Пожалуй, самую важную информацию из этой беседы я почерпнул из ответа на вопрос, как Чейз выбирал своих жертв. Все другие, кто проводил допросы и беседы с ним до меня, не смогли это выяснить, но я внушил ему такую уверенность, поэтому он согласился ответить.

Он слышал голоса, которые приказывали ему забрать жизнь, он просто бродил по улице и пробовал зайти в первую попавшуюся дверь. Если дверь была запертой, он не заходил. Если же была открытой, то заходил. Я спросил, почему он не взламывал дверь, если хотел зайти. Он ответил: «О, если дверь закрыта, это значит, что вас не ждут». Какая же незначительная мелочь одним позволила избежать печальной участи стать жертвой чудовищного преступления, а других обрекла на ужасную смерть от рук Чейза!

Под конец я спросил про стаканчик в его руках. Он сказал, что это доказательство того, что его хотят отравить в тюрьме. Он протянул стаканчик, и я увидел внутри какую-то липкую желтую смесь, в которой позже распознал остатки макарон с сыром. Он хотел, чтобы их забрали для анализа в лаборатории ФБР в Куантико. Я не посмел отказаться от такого подарка с его стороны.

Полученная из этой беседы информация помогла нам проверить портрет «неорганизованного» убийцы, ранее составленный в Отделе поведенческого анализа, который противопоставлялся портрету «организованного» убийцы. Чейз не только подходил под это описание, он был лучшим примером среди всех преступников, с которыми мне или кому-либо другому приходилось иметь дело. В этом отношении он послужил классическим образцом.

Другие заключенные в Сан-Квентине издевались над Чейзом. Они грозились убить его, если он подойдет поближе, подговаривали покончить с собой. Тюремные психологи и психиатры, объяснявшие поведение Чейза, подождали, пока утихнет шумиха по поводу смертного приговора, и заявили, что поскольку Чейз «недееспособный психический больной с хроническим психозом», то его следует перевести в тюрьму в Вакавилле, штат Калифорния, известную как Калифорнийское медицинское учреждение тюремной системы, где содержатся преступники, признанные недееспособными. Я лично поддержал это предложение. К этому времени, предполагая, что ФБР проанализирует еду, которую ему дают в тюрьме, Чейз писал мне и Конвею письма, в которых утверждал, что ему нужно отправиться в Вашингтон для уточнения своей апелляции. Он был уверен в том, что ФБР захочет узнать, как НЛО связаны с крушениями самолетов и с зенитным оружием, которое используют иранцы против Соединенных Штатов. «ФБР могло бы с легкостью обнаружить НЛО с помощью радара и увидеть, что они преследуют меня и загораются по ночам на небе в виде звезд посредством неких машин с управляемым термоядерным синтезом», – писал он мне.

И это было последнее известие от него. На следующий день после Рождества 1980 года Чейза обнаружили мертвым в камере в Вакавилле. Он скопил большое количество антидепрессантов, которые выдавались для снижения галлюцинаций, чтобы сделать из него более покорного заключенного, и выпил их все разом. Некоторые называли эту смерть суицидом, другие считали случайностью, и предполагали, что Ричард Трентон Чейз принял сразу все таблетки в попытках заглушить голоса, склонявшие к убийствам и мучившие его до самой смерти.

2. Кто сражается с чудовищами

В 1946 году, когда мне было полных девять лет, в Чикаго объявился монстр, необычайно заинтересовавший меня. Мой отец работал в службе безопасности газеты *Chicago Tribune*, поэтому в доме всегда были свежие выпуски. За год до этого, летом, я прочитал об убийстве замужней женщины средних лет в многоквартирном доме. Этот случай казался единичным происшествием, пока в декабре в апарт-отеле не была убита разведенная женщина. Убийца написал на зеркале помадой: «Ради всего святого, поймайте меня, пока я не убил больше. Я не могу контролировать себя». Судя по подробностям, которые были сочтены слишком ужасающими для печати в газетах (о которых я тогда даже не мог догадываться), полицейские решили, что убийства обеих женщин связаны между собой.

Chicago Tribune развернула целую охоту на преступника, рассылая повсюду журналистов в поисках улик. Вскоре после Нового года произошло еще одно преступление, которое на первых порах не связывали с другими двумя. Из своей спальни была похищена и убита шестилетняя девочка Сюзанн Дегнан; ее частичные останки были найдены в канализации в районе Чикаго-Эванстон. Зверское убийство потрясло весь Чикаго, родители боялись за своих детей. Я тоже задавался вопросом: какое существо могло бы убить и расчленить ребенка? Чудовище? Человек? В девять лет я еще не понимал, до какой глубины может пасть человек, совершивший такое мерзкое преступление, но в своих мечтах ловил убийцу Сюзанн. Наверное, я тоже боялся, а мои фантазии в какой-то степени были психологическим механизмом, помогавшим бороться со страхом – но, скорее всего, эта история меня больше вдохновляла, чем пугала.

В кинотеатрах я видел образец для подражания. В показываемых по субботам детских короткометражках «Наша банда» или «Маленькие сорванцы» – уже не помню, где именно, – изображалось детективное агентство; летом 1946 года я создал такое же с тремя своими друзьями. Офис «Агентства РКПК» располагался в гараже, и у него было свое «военное транспортное средство» – деревянная телега на колесах, которую мы окрестили «РКПК-Экспресс». Когда мы не проводили расследования, мы пользовались «Экспрессом» для доставки бакалейных товаров, по четверть доллара за доставку. Такой у нас был побочный бизнес для покрытия расходов. Как и у многих вымышленных детективных агентств из фильмов, нам не хватало заказов для оплаты ренты. Нашей главной деятельностью летом 1946 года было наблюдение за автобусными остановками в поисках подозреваемых. В одежде мы пытались подражать представителям ФБР, героям страны, или, возможно, Сэму Спейду¹¹ – нахлобучивали на себя шляпы и натягивали длинные плащи. Когда кто-нибудь из наших отцов или старших братьев выходил из автобуса с сумкой для обеда или с портфелем в руках, мы предполагали, что это подозреваемый в убийстве Сюзанн Дегнан, и следили за ним до дома, а затем расставляли наблюдательные посты, сменяя друг друга по очереди и делая заметки. Взрослые, наверное, недоумевали, чем занимаются эти странные дети в длинных плащах; они так и не узнали истинный смысл наших развлечений.

Тем же летом полиция поймала Уильяма Хайренса, и мне показалось удивительным, что именно он убил не только тех двух женщин, но и маленькую девочку; задержали его в связи с ограблением, которое описывали как «сексуальное» по своему характеру. Согласно обычаям того времени, никаких подробностей не сообщалось, а поскольку в возрасте девяти лет я мало что знал о сексе, то оставил эту часть описания без внимания. В то время самым любопытным в Хайренсе мне казалось то, что он оказался ненамного старше меня – это был семнадцатилетний студент Чикагского университета. Позже выяснилось, что он рассуждал достаточно

¹¹ *Сэм Снейд* – вымышленный частный детектив, главный герой «Мальтийского сокола» американского детективного писателя в жанре «нуар» Дэшила Хэммета.

разумно, чтобы после каждого убийства возвращаться в общежитие и вести себя спокойно, не вызывая подозрений. Его арестовали почти случайно, когда снятого с дежурства полицейского попросили задержать Хайренса, пытавшегося скрыться после неудавшейся кражи. Полицейскому невероятно повезло, что в последующей потасовке пистолет Хайренса дважды дал осечку, после чего подбежал другой полицейский и ударил Хайренса по голове удачно подвернувшимся под руку цветочным горшком. В его комнате были обнаружены улики предыдущих фетиш-краж и убийств. В газете *Times* дело Хайренса назвали «криминальной историей столетия» и удивлялись огромной куче журналистов, стекавшихся в Чикаго со всей страны, чтобы проследить за событиями и судом. После поимки Хайренса мы, девятилетки, отслеживали на автобусной остановке этого опасного убийцу и играли, будто преследуем до его логова.

Тем же летом наше детективное агентство постепенно заглохло, как и наша фантастическая игра, но в какой-то мере меня продолжили интересовать как сам Хайренс, так и похожие на него преступники; и вполне естественно, что мой интерес в значительной степени отразился на моей профессии и способствовал тому, чтобы я начал ловить и понимать ход мыслей преступников.

В старших классах я был учеником средних способностей и не особенно интересовался каким-то конкретным предметом; два года в местном колледже Чикаго тоже прошли довольно вяло. Затем я вступил в армию, женился, и меня перевели на Окинаву. За океаном продолжал выписывать *Chicago Tribune* и в одном воскресном приложении прочитал про школу криминологии и полицейского управления в штате Мичиган. Мне это показалось привлекательным. Я подал заявку, меня приняли, и после окончания двухгодичной службы начал посещать занятия. Я очень заинтересовался деятельностью правоохранительных органов, и, как следствие, мои оценки улучшились. Завершив общий курс, поступил в аспирантуру, но окончил лишь один семестр, после чего вернулся в армию – на этот раз офицером, поскольку посещал занятия службы подготовки офицеров резерва в Мичиганском государственном университете.

Я попытался устроиться на работу в полицию Чикаго, но мне заявили, что не заинтересованы в новичках со слишком широким образованием, ведь «от них бывает много неприятностей». Заведующий нашей школы обладал кое-какими связями, но, как в личной беседе поведал мне мой шурин Фрэнк Грейзер, патрульный из Чикаго: лучшее, что мне могли предложить, – это должность патрульного, на которую я мог бы устроиться и с одним лишь школьным образованием. Фрэнк продолжил разогреть мой интерес к органам правопорядка. Но армия предложила стать лейтенантом военной полиции и должность в Германии. Это показалось любопытным, ведь моя семья и семья моей жены происходили из Германии, и мы воспользовались шансом посетить землю наших предков.

Мне повезло, и меня назначили начальником военной полиции в Ашаффенбурге – в городе с населением 45 000 человек и с нашим гарнизоном 8000 человек, поэтому я, по сути, стал начальником полиции всего небольшого города; там столкнулся со всем спектром проблем, с которыми сталкивается каждый начальник полиции, – убийства, кражи, поджоги. Через четыре года, когда я вновь собирался оставить армию, мне предложили еще одну привлекательную должность – должность командира управления уголовных расследований военной полиции в Форте Шеридан, совсем рядом с Чикаго. Это был отдел сотрудников в штатском, заведующий расследованиями преступлений военнослужащих в пяти прилегающих штатах. Таким образом, я стал своего рода начальством в Чикаго, Детройте, Милуоки, Миннеаполисе, Сент-Поле и т. д. Вопреки распространенному мнению о том, что в армии таланты гибнут, вооруженные силы разработали свои способы заинтересовать и удержать способных людей, наблюдая за ними и предлагая хорошие должности – я дважды становился объектом такого интереса.

Как выяснилось, работа в Форте Шеридан в чем-то была похожа на работу полевых сотрудников ФБР. Все мои агенты были в штатской одежде и имели при себе специальные документы, жетон и оружие 38-го калибра. Мы часто работали в тесном сотрудничестве с

местной полицией и ФБР. В Ашаффенбурге я, как лейтенант, выполнял обязанности старшего капитана; в Форте Шеридан, будучи старшим лейтенантом (а это довольно низкое офицерское звание), я замещал майора.

Одно из крупнейших дел, которым мне пришлось заведовать, касалось торговцев наркотиками, и для внедрения в их ряды были призваны агенты Федерального бюро наркотиков (позже оно стало Управлением по борьбе с наркотиками). Эти агенты разыгрывали роли провинившихся военных, которых отправили в Форт Шеридан в ожидании увольнения с военной службы за недостойное поведение. Им удалось проникнуть в среду наркоторговцев, но при этом угрожала опасность разоблачения, в результате чего их могли убить. Финал дела походил на концовку какого-нибудь фильма. Все подразделения Форта были вызваны на построение для проверки перед трехдневным увольнением. Мои подопечные и люди федерального бюро окружили зону на автомобилях и грузовиках с пулеметами; агенты под прикрытием вышли из шеренг, показали свои жетоны и прошлись вместе с командирами по рядам, указывая на дилеров, которых тут же увели на гауптвахту¹².

Вся эта деятельность заставляла меня задуматься, что было бы неплохо продолжать работать на правительство и в дальнейшем, только уже на штатной должности в ФБР. Будучи начальником военной полиции, я часто бывал на совместных совещаниях различных ведомств, с которыми приходилось часто взаимодействовать – в том числе и с ФБР.

В то время, в середине 1960-х, у ФБР было немало работы. В студенческих кампусах начинались бунты, активизировалось движение против существующего порядка, и иногда настроения студентов передавались молодым людям примерно того же возраста на расположенных поблизости военных базах. Мои агенты военной полиции проникали в группы, планирующие подрывную деятельность, и докладывали о происходящем не только мне, но и ФБР. Если читателю покажется, что мы преувеличивали, что в такой активности не было ничего угрожающего, я отмечу, как несколько групп похитили из Форта Шеридан взрывчатые вещества и всерьез собирались подорвать военные цели. Некоторое время спустя, когда я уже вступил в ФБР, мне представился случай исследовать старые дела, и я узнал, что полевые представители Бюро в Чикаго приписали всю работу военной полиции себе. Для меня это стало первым и довольно грубым откровением о том, как сотрудники ФБР порой ведут дела. Внутри ФБР такой род деятельности назывался «односторонним движением» при осуществлении операции: сотрудники ФБР пользовались результатами расследований других правоохранительных органов, но взамен не предоставляли ничего.

Я уже собирался увольняться из армии и подыскивал себе дальнейшую работу в правоохранительных органах, когда мой статус заморозили из-за войны во Вьетнаме. Никому из тех, кто занимал должности, подобные моим, в нашей части вооруженных сил не разрешали увольняться. Армия сделала мне интересное предложение: кто-то из вышестоящего начальства просмотрел мой послужной список и отметил, что я окончил семестр аспирантуры; тогда мне предложили оплатить получение степени магистра по управлению полицией и выплачивать зарплату во время обучения в обмен на дополнительные два года службы после окончания аспирантуры.

Так я снова оказался в Мичиганском государственном университете, на этот раз с женой и двумя детьми, и, кроме обучения, я выполнял секретное поручение от армии: работал под прикрытием в группах, активно сопротивляющихся войне во Вьетнаме. Отрастил волосы, ходил на митинги «Студентов за демократическое общество» и прочих «новых левых», на марши и т. д. Изображая из себя недовольного ветерана, посещал организационные собрания и другие встречи. В газете какого-то кампуса была даже опубликована фотография меня с длинными

¹² *Гауптвахта* – специальное здание с помещениями для содержания арестованных военнослужащих вооруженных сил своего государства.

волосами и с маленькой дочерью на плечах для дополнительного прикрытия. Мы тогда протестовали против набора в ЦРУ на территории кампуса; любопытно, попала ли эта фотография в какое-нибудь досье ЦРУ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.